

Она давно уже привыкла что ее называли бабой Валею. Соседку ее кликали бабой Верой, а напротив них, на другой стороне улицы жили баба Катя и баба Анфиса. К соседкам на летнюю вольницу приезжали внуки и правнуки, шумели, бегали, лазали по деревьям. Другие соседи покрикивали на них, а то жаловались бабкам на детишек, особенно, если те рвали яблоки или крыжовник, предназначенные на продажу. А баба Валя разрешала детишкам рвать и яблоки, и смородину, потому что детей любила.

– Пускай и не свои, – говорила она, – а все – детишки, а малым надо сладкого. А мне на мой век хватит!

Бабы Верины правнуки проделали дырку в заборе и убегали к ней в сад играть в понятные только им одним детские игры. Устав от беготни, они карабкались к бабе Вале на колени, обнимали ее теплыми перемазанными землей пухлыми ручонками, требовали рассказать сказку. И баба Валя рассказывала им и сказки и истории. Она родилась в другом селе, которое потом пошло под затопление, и в этой деревне считалась чужой. В ее доме когда то жила ее подруга, она и приняла Валию к себе жить и вместе стариться. Дом был крепкий, железом крытый, слишком большой для одинокой женщины, построенный, видать, на большую семью. Но получилось так, что в доме том жили одинокие бабы, и детских голосов дом не слышал. Валина подруга давно уже переселилась к ангелам, а Валя все жила в ее доме, сажала огород, белила весной деревья, убирала зимой снег, словом, делала то же самое, что и ее одинокие бабки-соседки.

О прежней жизни бабы Вали в селе было известно с ее слов. А жизнь баба Валя прожила такую же, как почти все старухи в этой деревне, ну, может чуть получше. Выходило, по ее словам, что успела она до войны замуж выйти, и что муж ее был красавец, высокий, чернявый, а глаза – как синее небо.

– А звали его Федором, и был он и гармонистом, и плясуном, и трактористом не из последних, – рассказывала соседкам Валя. – А уж как меня любил – вся деревня завидовала. К свадьбе платье принес крепдешинное, в цвет сирени. И воду для стирки носил, и подарки покупал – то отрез на платье, то платок с васильками! А однажды из города ботики привез – блестящие как зеркало и с двумя кнопками – вот! – И торжествуя женщин оглядывала – каково, а?

– Счастливая ты, Валюха, – вздыхала баба Вера. – Мужик какой хороший был, есть что вспомнить, есть о чем жалеть! А мой со свадьбы в военкомат, а с войны пришел пораненый, пожил полтора года, а он все болел, потом в госпиталь свезли и через месяц схоронили. Хорошо, дочка осталась, а то и жить не для чего. Потом внуки пошли, теперь вот правнуки. К концу дня голова пухнет от шума, а я радуюсь – дети в доме – счастье! Да и внуки приезжают чаще, детей проводят.

– Валька-то у нас, – хихикала баба Анфиса, – как вспомнить своего-то, так и краской заливается. Ласковый, видать, был, а? Любил, небось, миловал, ты бы рассказала нам с Катюхой, мы бы про чужое счастье послушали.

Баба Валя краснела лицом, и чуть не каждый вечер пересказывала бабам подробности: как женихались, как ели, как пили, как за дровами ездили, как на покос ходили. И слушали ее бабы, и сквозь морщины проступали молодые лица, совсем как на пожелтевших фотографиях на стене. Фотографии те, отретушированные заезжим одноногим фотографом, были похожи друг на друга, и с каждой смотрела вдаль молодая бабушка в нарядной блузке и дед, которого внуки уж не застали на этом свете. Только у бабы Вали и у бабы Кати такой фотографии не было. Баба Катя перед войной еще мала была, а опосля, когда мужики вернулись, никому не приглянулась, так и осталась вековухой. А к баба Вале, будто бы, фотограф перед войной не заезжал, а после войны была она уже вдовая, так с какой радости и фотографии делать!

Жила баба Валя одиноко. Приходили ей письма в иностранных конвертах, но не часто, раза два в году. Сын ее жил в далеком городе, где то за границей, куда уехал лет тридцать назад. Там и внук вырос, и

правнук родился. Внук бабе Вале писем не слал, сын в гости ее не звал, да и сами к ней ни разу не наведались. Ну, дело обычное, тут у Егоровых сын в соседнем городе живет, ста верст не будет, а навещал родителей лет пять назад. Все занят, все времени нет, работает много, устает, опять же, семья. А у Валюхи сын аж в Германию укатил, – конечно, где ему выбрать время, чай не ближний свет! А что денег не шлет, так вот у Сажиных трое детей, и все в городе хорошо устроены, а за все годы ни копеечки не прислали родителям. А когда отец их помер, то на похороны с пустыми руками заявились, и наутро после поминок первым автобусом в город уехали. Вот такие бывают детки нынешние! – Да и не молоденький он, сын Валюхин – судачили бабы, – ежли он даже в сорок первом родился, то все одно уже за семьдесят. А мужики сейчас как один больные да хилые, не то что мы, бабы. Валюха вона, бегаёт все одно как молодка!

Так вот бегала баба Валя, да и упала на улице перед магазином. Мужики, кто потрезвее были, ее домой донесли. Баба Вера правнука в медпункт послала за Галей-медсестрой. Пока мальчишечка добежал, да пока Галя – медсестра до бабы Валиного дома дошла, баба Вера уже рублевые монеты Валюхе на глаза положила. Галя выписала справку для похорон, и они вместе с бабой Верой стали искать на полке под потемневшими от времени образами документы. Бумаги были аккуратно сложены в розовый пакет с рекламой кошачьей еды. Галя, хмыкнув, вытащила стопку бумаг, перевязанную ленточкой. Сверху лежал конверт с адресом написанным не по-русски, весь обклеенный марками. Галя пообещала бросить письмо в ящик возле клуба, и, прихватив свой чемоданчик, убежала.

Бабу Валю схоронили через день. На приезд сына никто не надеялся, а других родных у покойницы не было, но бабушки-соседки расстарались приготовить хорошие поминки, упробив Гришку-магазинщика продать им продукты подешевле. Отпели Валюху, похоронили и помянули как следует. Бабы разделили меж собою ее кур, разобрали кроликов. Одежду Валюхину, какая получше, отнесли в церковь, и стали жить дальше, собираясь вечерами, как раньше бывало, на скамейке у Валюхиных ворот. Баба Вера поливала осиротевший огород, собирала созревшие помидоры и пупырчатые огурцы, а правнуки ее обирали кусты смородины и перезревшего крыжовника.

А следующей весной, когда уж месяцев десять прошло после Валюхиной смерти, перед домом ее остановилась машина. Баба Вера засмотрелась с веранды – хорошая машина, иностранная, стекла темные. Вроде, у

Гришки-магазинщика машина похожая, или даже совсем такая. Вышел из машины седой мужчина, стал вокруг Валюхиного забора ходить, дом оглядывать. Тут баба Вера его и окликнула:

– Вы, – говорит, – мужчина, что ищете? Заблудились, что ли?

Он еще рта открыть не успел, а из машины баба вылезла. Волосы у нее синевой отдают, на шее шарфик шелковый, а кофта совсем прозрачная – срамота одна! Оба они, и мужик и баба его, в джинсах, в кроссовках разноцветных, видно, что изо всех сил молодятся. Зашли они к бабе Вере во двор, представились, оказалось, это Гена, сын Валюхин, и жена его, невестка, стало быть, Валюхина прямиком из Германии приехали, так сказать, последний долг матери отдать. Назвались они Генек и Марго, на немецкий манер, значит. Про дом спрашивали, про участок, как быстро его продать можно, наследство, все-таки, мама хотела, чтобы сыну родному память осталась.

В Валюхином доме жить приезжие не захотели, у бабы Веры остановились. Денег дали, просили подружек позвать и начальство, конечно, чтобы выпить и в дружеской обстановке дело обсудить. Так вот вечером выпили, поели, бабу Валю помянули, и дело с начальством решили. Всего неделю и промаялся Гена-Генек, пока все бумаги оформили. В конце недели, привезли они с Марго из райцентра агента по недвижимости, и дом на продажу поставили. Вечером, по случаю отъезда, опять с начальством местным у бабы Веры сидели. Генек в райцентре купил заграничного виски, к которому привык в своей Германии, хорошей колбасы, иностранной селедки и еще каких-то сладостей для бабушек. Они с Марго, не смотря на то, что жизнь в Германии прожили, немецкой бережливостью не заразились, угощали щедро. Посидели на веранде, выпили, картошечки горячей поели, поругали правительство, молодежь, погоду, и на этой почве стали с местным начальством большими друзьями. Глава администрации, Сергей Иваныч, даже попенял Гене, что тот маманю забыл, не приезжал столько лет.

– Мы с маманей перед отъездом поссорились, – каялся Генек заплетающимся языком. – Бабы в деревне нашей говорили, что маманя меня в сорок четвертом от немца родила. Мы потому с Марго и настроились в Германию уезжать, я думал, отца найти, либо родных его. А маманя уперлась и ни в какую мне его имени сказать не хотела. Поссорились, в общем. А теперь мне и повиниться не перед кем, нет мамани!

– А про отца в Германии своей так и не узнал? – поинтересовался Сергей Иванович, наливая янтарное виски в граненый стаканчик. – Будем!

– Будем! – поднял свой стаканчик Гена, а за ним и все остальные.

Бабушкам Генкина Марго купила сладкого ягодного винца, и выпили они его уже по три рюмочки, и потому сидели добрые и разомлевшие, сложив усталые руки на коленях. Бабка Анфиса улыбалась, баба Катя уже задремывала, только баба Вера по хозяйству хлопотала.

– Мы искали! – высунулась вперед Марго. – Думали, найдем родню, помогут нам, подсобят на первых порах. Тяжело жили, пособие мизерное, только на еду и хватало. Пока языку этому поганому научились, пока работу нашли!

– Ну, пошла жаловаться! – фыркнул Генек. – Вы, бабы, ее не слушайте, все хорошо у нас. Квартира муниципальная трехкомнатная, пенсия хорошая, медицина бесплатно! Сына вырастили, внук уже есть. Генек снова плеснул в стаканы.

– Вот никогда, верите, виски из граненых стакашек не пил! – рассмеялся он. – Про отца, значит, целая история. Я у матери в бумагах рылся, фотку папашину нашел, а на обороте надпись с именем и фамилией, даже город родной его указан. Но мы с Марго найти его не смогли. Потом бросили поиски, работать надо было, а не ерундой заниматься. Да немцы народ не особо щедрый, детям своим не шибко помогают, так что зря мы на родню-то надеялись. А когда сынок наш, Питер, подрос, то он уже по Интернету деда отыскал.

– Да что ты говоришь! – удивился Сергей Иванович. – И как он, признал тебя, или в отказ ушел?

– Да, – оживились бабы, – расскажи про папашу-то!

– Валюха нам все про любовь рассказывала, любо слушать было, – добавила баба Вера.

Она принесла на веранду вскипевший чайник и устроилась рядом с бабой Катей напротив Марго.

– А любовь была, бабы, – задумчиво сказал Генек. – Я когда нашел папашу своего да растолковал ему, кто я и чей сын, так он слезами плакал.

– Ага, слезами, – подтвердила Марго. – Слезы нынче дешевы! Завещание-то поменять не захотел, нам от его имущества крохи перепали!

– Да погоди ты! – прикрикнул Генек. – Не путай грешное с праведным. Что имущество делить не захотел, так это не оттого, что мать не любил. Он с войны без ног вернулся, бедствовал, болел. Потом встретил

женщину, она его выхаживала, ну и поженились они. Все его богатство от нее пришло, с ее стороны, в общем. Двух детей нажили, фабрику, дом хороший. Кстати, сын его младший нашему Питеру с работой помог. А жена его мою Марго на кассу в супермаркете пристроила, а то она на заводе, на конвейере маялась.

Генек замолчал. Они с Сергеем Ивановичем чокнулись, выпили, стали заедать картошкой с огурцами.

– А про любовь папаша что рассказывал? – не утерпела баба Анфиса. – Как у них с Валюхой было?

– Было, бабы, – вздохнул Гена. – Мамадя, небось, вам сказывала, что она из Лесного? Она туда после войны переселилась, потому что тетка у нее там жила. Тетка одна осталась, в войну и муж и сыновья сгнули, вот и приняла племяшку с дитем. В метрике у меня написано, что родился я в поселке Василевичи, это где то в Белоруссии. Мамадя все боялась, что станут доискиваться, чей ребенок. В сорок четвертом почти никто не рожал, не от кого было, все мужики на фронте, либо в лесу, в партизанах.

– Ну да, – подтвердила баба Анфиса, – у меня Наташка довоенная, ей три годочка сравнялось, когда на нас бомбы посыпались. Андрей мой в сорок пятом вернулся, а Наташка уж в школу пошла. Любка в сорок шестом родилась. Да на все село наше только у Фроси Рыковой в войну ребяенок-то народился. Ейный мужик в отпуск приезжал, на побывку после госпиталя, все бабы обзавидовались. Всея деревней к ней в дом ломились дитенка поняичить, хоть на руках подержать, запаха детского вдохнуть, – двери не закрывались!

– Ну вот мамадя и опасалась, всю жизнь прожила с оглядкой. Мне ни словечка правды не сказывала покуда я из армии не вернулся. А когда рассказала, то поклясться заставила, что никому не скажу покуда она жива. Даже тетя Маня, что нас после войны приютила, об отце не знала.

– Ага, вид делала, что мамаше верила, – встала Марго. – В сорок третьем военном либо ветром надуло, либо товарищ Сталин в конверте прислал.

– Да помолчи ты, язва! – беззлобно махнул на жену рукой Генек. – Мамадя при немцах на кухне работала. У них в поселке госпиталь был для легкораненых, немцев, конечно. Вот ее туда и взяли повару немецкому помогать. А отец лечился там. Ну, и случилось меж ними любовь. Мамаде всего шестнадцать лет было, она и не видела жизни настоящей. У них в хате пол земляной был и детей восемь штук. Да отца в тридцать девятом забрали непонятно за что! Мать их, бабка моя, значит, осталась с кучей детей, ну и рассовала их по детским домам.

Маманя после войны никого из родных не нашла, а может и не искала, опасалась. Ее, старшую, мать в няньки в городе пристроила, хлебнула она горяшка у хозяев. А тут немец – парень ласковый, культурный, да с подарками. Он рассказывал, что купил как-то для нее платье, так она слезьми изошла – первое в жизни платье. До шестнадцати лет в драных юбках ходила, бабкину одежонку донашивала. И ночью пришла к нему, вроде как в благодарность. Так вот полюбились они месяца четыре или пять, – и на всю оставшуюся жизнь!

Бабы только головами качали. Потом баба Вера стала собирать тарелки. Гена с Марго провожали начальство до машины. Долго и шумно прощались, а распрощавшись сразу ушли к себе в комнату спать, выезжать назавтра хотели с рассветом.

Баба Вера грохнула на стол поднос с парадной посудой и раздала бабушкам кухонные полотенчики – вытирать. Они молча перетирали темно-синие «кобальтовые» чашки, блюдца и тарелки с широкой синей же полосой по краю.

– Выходит не все врала нам Валюха, – не выдержала баба Катя, – была любовь-то! С фашистом клятым!

– Ага, была! – поддакнула баба Анфиса. – За такую любовь ее бы при Сталине в Сибирь вместе с дитенком спровадили!

– Сердцу не прикажешь, – вздохнула баба Вера.

– Хоть какая, а все – любовь... – шмыгнула носом баба Катя. – У меня, вот...

– Да знаем! – оборвала ее баба Вера, – ты у нас самая обиженная!

Потому всех мужиков и привечала по-молодости-то!

– Не ссорьтесь, бабы, – баба Анфиса бросила на стол полотенце. –

Помните, как Валюха нам про платье рассказывала? Было...

Наутро Генек с Марго уехали. Договорившись они с бабой Верой, чтоб могилку Валюхину прибирала. Обещали слать ей посылки к праздникам, небось не обманут, вон как Гена щедро их угощал! Да бабы и так бы не забыли про Валюху, подружка поди!

Вечером собрались, как обычно, на лавочке у Валюхиного дома.

– Приедут теперь, когда на Валюхин дом покупатель отыщется, – рассказывала баба Вера соседкам. – Опять у меня жить будут, и подарок Марго обещалась привезти.

– Хорошо... – думая о другом, похвалила баба Анфиса.

Они сидели на скамейке у ворот. Яблони роняли цвет, засыпали белым дорожку к крыльцу, ложились дождем на и без того белые головные платки баб.

– Ведь сколько лет Валюха-то нас обманывала! – вдруг запальчиво выкрикнула баба Катя. – Я обзавидовалась: какой мужик у нее был, и ласковый, и красавец, и гармонист. А оказалось – немчура проклятый! – Да, дурила нас Валюха своим трактористом! – поддакнула баба Анфиса.

– Стыдно ей было, бабы, – сказала баба Вера. – Я целую ночь не спала сегодня, все про Валюху думала. Любили они друг друга, вы ж слышали что Гена рассказывал.

– А я бы немчуру не полюбила!

– А может это он моего братана застрелил!

– Или папаньку моего! – перебивали друг друга бабы.

– Вот Валюха всю жизнь и расплачивалась за любовь свою, - грустно сказала баба Вера. – Всю жизнь воспоминаниями жила, даже с людьми поговорить о том боялась. А потом и придумала мужа-гармониста.

– Фе-еденьку! – прыснула баба Анфиса.

– Так тогда выходит, что Валюхины рассказы, ну, как любились они, правда? – спросила баба Катя.

– Выходит так, – подтвердила баба Вера.

– Да-а, – протянула баба Катя, – любовь зла, полюбишь и козла!

– Кому что судьбой и Б-гом дадено, то и будет, – сказала баба Вера сурово. – Сужден был Валюхе не Федор, а Франц, значит так на роду написано. Судьбу не обманешь.

А яблоневый цвет все падал на дорожку беззвучно летели маленькие лепестки, и на месте облетевших лепестков оставалась завязь. К осени яблоки будут...